

Александра Довгулёва

ГЛАЗАМИ СОКОЛА

Часть 1.

Глава 1.

ПОМНИ О КЛЯТВЕ.

На гербе Эстеврии был изображен сокол, расправляющий крылья. Все знали, что сокол – птица королевского рода, а вот почему именно она была его символом – никто не помнил. По мнению многих этот город был одной из самых красивых столиц Благословенных долин и Небесных вершин Листурии – великого континента.

Как и многие города Листурии, Эстеврия не могла называться столицей в том смысле, который мы, люди XXI века, вкладываем в это слово. Континент не был поделён на неравные куски, которые мы бы назвали странами, а короли и князья правили лишь своими городами, да некоторыми деревнями, появившимися, порой, у их стен. Да и короли были не везде... Но в городе, где будет положено начало дальнейшим событиям, король был!

И какой король! Бриан был любимым королём! И, в отличие от своих предшественников, с которыми подданные обошлись весьма негуманно (чего только стоят красноречивые, но оттого не менее обидные Торн Любитель Зеркал или Курт Цыплёнок тонконогий), мог похвастаться красивым и лестным прозвищем «Благородный».

Хотя «Благородным» он как раз, по правде говоря, вовсе не был. И, несмотря на то, что правление его приносило много радости народу Эстеврии, Бриан, если бы хоть кто-то знал все подробности, мог бы считаться узурпатором.

Дело было в том, что когда Бриану исполнилось тринадцать лет, случилось нечто, что навсегда изменило жизнь деревенского сироты. Мальчик в ту пору жил под старым мостом (не лучшее место для ребёнка, нужно заметить), и там, во время сильного дождя, поймал ласточку, пытавшуюся скрыться от непогоды и случайно угадившую в руки мальчишке. Ласточка, как и многие существа этого мира, совершенно не было обычной, а вернее, была абсолютно необычной.... Человеческим голосом (и весьма недовольным) она спросила:

– Могу ли я поинтересоваться, *уважаемый* (причём «уважаемый» прозвучало как едкое ругательство), с какой целью вы схватили меня и сжимаете так, что крылья сводит?

Первым порывом Бриана было отпустить пленницу. Однако, коммерческая жилка, унаследованная от предков-торговцев, забилась и запульсировала где-то у него в грудной клетке, подсказывая, что нужно хотя бы выяснить, кем именно была неожиданная пленница прежде, чем отпускать её...

– Хочешь, чтобы я тебя отпустил? А что мне за это будет? – спросил он, перехватывая маленькое оперённое тельце поудобней.

Ласточка фыркнула, но так как не впервые имела дело с человеком, спорить не стала.

– Я выполню одно твоё желание, Бриан Безотцовщина, – ответила она.

Бриан много слышал о заколдованных людях, феях и колдунах. Такие сказки все родители на просторах Листурии рассказывают своим детям. А ещё все как один предостерегают своих отпрысков никогда не заключать сделок с заколдованными животными, живыми камнями или говорящими деревьями. Ведь никогда не знаешь, кто скрывается за той или иной личиной... Проблема была в том, что у Бриана не было родителей, которые с детства пугали бы его страшными историями, а сказки о превращениях он слышал от путников в деревенской таверне, где, обычно, просил подаяния. А странники, отдыхающие за кружкой тёплого вина, как правило, упускают из своих рассказов мудрые наставления.

– Я хочу стать королём в большом и богатом городе, – выпалил босоногий чумазый беспризорник.

Ласточка засмеялась низким, раскатистым, совсем неподходящим для маленького тельца смехом.

– Слишком большая цена за жизнь маленькой бесполезной птички, мясом которой ты бы не насытился, а пухом бы не согрелся. Даже посади ты меня в клетку, я не пела бы песен как канарейка, чтобы усладить твой слух, Безотцовщина, так не слишком ли высоко ты меня оценил?

Бриан было смутился и всерьёз подумывал, не отпустить ли птицу, пока уж совсем не опозорился, но ласточка вовсе не ждала ответа на свой вопрос или немедленного освобождения. Птица продолжила:

– Но я исполню твоё желание, если ты выполнишь условия. Ты станешь не просто королём, но и королём законным. Я сделаю тебя монархом, которого зовут соколом,

Безотцовщина, но на пике расцвета твоей власти мы снова встретимся, и я стану королевой, мальчик.

– Королевой? – удивился Бриан, – я должен буду жениться на птице?

– И тебя удивляет это, а не то, что я могу сделать оборванца правителем? А теперь ты меня отпустишь... И не успеет взойти луна, ты станешь законным королём, но прежде поклянись, что выполнишь условия сделки.

Бриан поклялся. И стоило словам клятвы слететь с его губ, как гнетущий холод сковал всё у него внутри, а где-то под сердцем стало тяжело так, будто камень величиной с кулак застрял между рёбрами, сдавившими лёгкие.

Он разжал руки, и ласточка вылетела из его ладоней. Птица взмыла вверх так стремительно, как не могут обычные ласточки, привыкшие, повинаясь инстинктам, взлетать в падении, плывя по воздушным потокам. А маленький клювик пронзил кожу Бриана в уголке правой брови так, что выступила капелька крови, а шрам, потом, остался до конца его жизни.

– Ты поклялся, Бриан, и я клянусь, что выполню условия сделки. Ты станешь королём, а позже и я королевой. Помни об этом.

Птица упорхнула в небо, переставшее поливать землю дождём, и оставила продрогшего сироту под старым мостом в одиночестве.

Бриан гадал: не привиделось ли всё это ему? Не помутился ли его рассудок от голода, холода и сырости? Ведь и вправду, всё случившееся могло быть и сном. И почему-то мальчику казалось, что если это был сон, то он был страшным, хоть для этого и не было объективных причин. Только тяжёлый камень, мешавший дышать полной грудью, никуда не делся.... А позже, ближе к полудню, Бриан Безотцовщина отправился в таверну просить подаяния и очень надеялся, что успеет получить пару медяков прежде, чем хозяйка огреет его метлой по спине и выгонит вон.

В ту пору мимо проезжал королевский посол Эстеврии. И, неожиданно, именно на перекрёстке рядом с таверной, лошади, тянувшие его карету, а так же и храбрые боевые скакуны его охранников, встали, как вкопанные... И, казалось, ничто на свете не заставит их двинуться с места. Выбора не оставалось: решили остановиться и отдохнуть. Да и люди устали – почти всё утро их путь пролегал по грязи под проливным дождём. Когда посол зашёл в таверну и потребовал лучшую комнату, горячую ванну, ужин и прочие радости,

что мог найти в подобном месте путник при деньгах, Бриан сразу заметил его и подошёл, в надежде на щедрость проезжего богача. Но стоило ему окликнуть богато одетого господина, тот изменился в лице, будто привидение увидел, и схватил мальчика за руку.

Прежде, чем беспризорник успел испугаться, мужчина закатал рукав его грязной рубахи, и там, на левой руке чуть ниже сгиба локтя, оказалось небольшое пунцовое родимое пятно, которого раньше (Бриан мог поклясться!) там не было! Так в Бриане Безотцовщине узнали пропавшего десять лет назад принца Эстеврии – единственного наследника королевского трона.

Когда новоиспечённый принц ехал в карете в свой новый дом, он дивился тому, что происходит теперь с его судьбой. Мальчик ещё не знал, что в тёплой приморской Эстеврии, где у подножья высоких гор плещутся волны солёного моря, бился в лихорадке его король-отец. Несколькими днями ранее, он повредил ногу, упав с лошади во время охоты (говорят, что животное испугалось взявшейся непонятно откуда ласточки). Рана воспалилась, и теперь многие говорили, что король не доживёт и до утра. Мог ли знать принц-сокол, что лишь начнут подступать сумерки, принцем он быть перестанет так же, как перестал быть безотцовщиной этим утром? Мог ли он знать, что король Эстеврии, названный теперь его отцом умер в тот момент, когда последний луч солнца сверкнул и отразился в золоте куполов домового храма дворца на Соколином утёсе? И когда в небе взошла первая из двух луна, медленно скользившая среди мерцающих звёзд, как и было предначертано, сирота уже был законным королём Эстеврии.

Глава 2.

СИРОТА НА ТРОНЕ

Первые годы правления тяжело дались юному королю. Несмотря на то, что по законам Эстеврии ребёнок из благородной семьи мог считаться полноправным лордом (а в нашем случае – королём) уже с двенадцати лет, мальчик опасался принимать самостоятельные решения. Он понимал, что многого не умел и многому нужно научиться.

Как не удивительно, бывший оборванец не стал капризным ребёнком на троне. Он усердно постигал науку управления государством, с интересом изучал историю и традиции новой Родины и, уже к четырнадцати годам выглядел, говорил и двигался точно урождённый эстевриец, выращенный и воспитанный в лучших традициях южных земель.

.....

Не понаслышке знавший, что такое голод и нищета, Бриан пообещал себе, что станет таким королём, во владениях которого не будет голодающих детей. И, справедливости ради нужно признать, что у него получилось стать таким монархом.

К пятнадцати годам Бриан уже совершенно самостоятельно занимался государственными делами и вполне успешно. Его бывшие учителя стали его советниками, а те, кто искал власти слишком рьяно были «одарены» богатыми плодородными землями и поместьями за пределами городских стен. Помогала ему и та самая коммерческая жилка: юный король, проявив изобретательность, которую никто от него не ждал, заключил несколько весьма выгодных торговых соглашений, которые навсегда создали ему репутацию короля – торговца. Средства из стремительно пополнявшейся казны были пущены на строительство дорог, создание сети городских фонтанов с чистой пресной водой, учреждение пенсий для вдов и приютов для сирот.

Налоги для местных торговцев-ремесленников были снижены, для рыбаков упразднены (при условии, что часть улова отдавалось к королевскому двору или в приюты для детей и стариков), а въезд иностранных торговцев упрощён был настолько, что вскоре в Эстеврии заговорили на всех языках этого мира.

К шестнадцати по совету одного из своих учителей, Бриан увеличил содержание армии и городской стражи, а так же повелел открыть военную академию, куда брали подростков из всех сословий и готовили из них офицеров.

Новые расходы потребовали новых торговых соглашений. И всё шло хорошо, за исключением одного: давящий камень так и не исчез из груди. И по ночам, порой, Бриана бил озноб, и холодный пот выступал на его коже, когда во сне к нему являлась тень королевы-ласточки. Бриан помнил о своей клятве и тяготился ею.

Королю исполнилось семнадцать. К этому возрасту для него и вовсе родными стали белые утёсы, скалы фьордов, плещущиеся у их подножий волны солёного океана и деревья столь высокие и тонкие, что, казалось, будто верхушки их могут проткнуть плотно бесконечных голубых небес. Да и сам Бриан, теперь смуглый и высоко державший голову, ничем не отличался от местных жителей.

Но, как известно, рано или поздно, белые полосы заканчиваются, равно как и черные. И череда удач Бриана Благородного закончилась в тот день, когда ему показалось, что он обрёл истинное счастье. Юный король влюбился.

.....

Это была истинная любовь. Её звали Мирида и была она, как и положено девочке в шестнадцать лет, невероятно хорошенькой. И как часто бывает у семнадцатилетних юношей, в сердце Бриана вспыхнуло чувство, заставившее его позабыть обо всём на свете. Даже о кровной клятве, данной однажды. О клятве, про которую забывать не стоило...

Мирида была дочерью одного из князей, с которым был заключён очередной торговый договор, что по мнению большинства советников, было удивительной удачей. Свадьбу сыграли через три месяца, а ещё через год родилась девочка – королевна Селеста, которую родители назвали в честь вечерней звезды.

Девочка росла умной и любопытной, и вскоре стало ясно, что королевна однажды станет к тому же редкой красавицей. Она унаследовала медово-пшеничные кудри матери и тёмно-каштановые брови отца. Глаза её были редкого тёмно-серого, почти черного цвета, а губы ярко-розовыми. Маленькой девочкой Селеста мало напоминала своими повадками мать – безупречную северную леди. Она часто вела себя как сорванец-мальчишка, лазая по яблоням во внутреннем саду или гоняясь за птицами.

Однажды, будучи малышкой пяти лет, Селеста сбежала от многочисленных нянек и ворвалась в кабинет отца прямо посреди заседания совета. Размахивая руками и заливаясь звонким смехом, девочка подбежала к отцу и закричала:

– Папа я летаю, честно! Как сокол! Высоко-высоко!

Король лишь улыбнулся.

Бриан жил счастливо. И даже давящий камень в груди стал привычным настолько, что король почти перестал его замечать. Так прошло ещё тринадцать лет. И когда королевне исполнилось восемнадцать, а в волосах Бриана Благородного появилась первая, ещё малозаметная седина, пришло время выполнить давно забытую клятву...

Глава 3

Время платить по счетам

В тот день те, кто оказался в порту, могли рассказать, как из густого утреннего тумана (будто бы из неоткуда!) появился огромный корабль без флага. Многие было подумали: не пираты ли это? Но пушки на стенах Форта-на-сколе молчали, а стражи не спеша несли свою вахту, сонно и медленно переставляя обутые в дорогие солдатские сапоги ноги по мощёной булыжником набережной.

.....

Туманы над заливом и фьордами пусть и были редкостью, но не такой, чтобы кто-то догадался, что именно сегодня не случайно белая дымка зависла над спокойными морскими водами. Корабль вошёл в порт. Обычное на вид судно с севера, привёзшее меха и мёд для торговли. Только на пристань по шатким мосткам сошёл единственный его пассажир, показавшийся очевидцам весьма необычным.

Женщина была удивительно, неправдоподобно красивой. Её тёмно-рыжие волосы отливали медью, а яркие тёмно-красные губы выделялись на безупречной белой коже красивого лица и притягивали взгляд. Цвета глаз женщины не помнил никто, даже если пристально присматривался (в Эстеврии есть поверье, что о незнакомце можно узнать больше, если заглянуть ему в глаза). Один из торговцев даже был готов побиться об заклад, что когда он попытался заглянуть в лицо красавицы, чтобы встретиться с ней взглядом, его собственный взор помимо воли хозяина скользнул в сторону. И к тому же, уголком глаза (левого, которого в детстве, по словам бабушки, коснулась морская нимфа), он заметил всполох пламени и искры угасающего костра. Но, возможно, ему просто показалось? Женщина в длинном чёрном платье и в плаще, отороченном мехом, явно была из благородных. Дело было не только в дорогой одежде и перстне на правой руке, но и в умении идти и держаться так, будто она летит над землёй, плавно скользя по улицам куда-то вглубь города. Ни приказчик, проверяющий подорожные, ни его секретарь, ни зевающие со сна стражники, казалось, не видели её вовсе. А кто-то почувствовал неприятный холодок, когда незнакомка проплывала мимо: то едва уловимое, жутковатое ощущение, из-за которого хочется перекреститься.

Когда она шла по улице, изящная мозаика осыпалась со стен, а розовый мрамор, украшавший фасады зданий, ни с того, ни с сего, трескался. Но больше всего испугалась одиннадцатилетняя девочка, помогавшая матери продавать в то утро цветы. Когда прекрасная госпожа проходила мимо, она предложила ей купить розу, такую же тёмно-красную, как и её губы. Женщина улыбнулась и, щедро заплатив, взяла в руки цветок, который тут же сморщился и почернел от прикосновения её пальцев. Девочка после этого не могла произнести ни единого слова ещё полгода, пока её мать (по совету одной старой повитухи) не пожертвовала в один из храмов монет столько же, сколько заработала в тот день.

Куда шла странная гостья тёплого и солнечного края? Не трудно было догадаться: город был похож на паутину и все дороги, так или иначе, смыкались в одной точке – у прекрасного дворца на высокой скале, над шпилями которого развивались пурпурные флаги с золотым соколом, расправляющим крылья.

.....

Бриану Благородному в тот день нездоровилось. Многие объясняли это тем, что король совсем не отдыхал, а возраст его хоть и был далёк от старости, мало способствовал выносливости и крепости здоровья. Сам же Бриан никому не признавался, что давящий камень, покоившийся в его груди уже многие годы, привычный настолько, что уже перестал быть заметным, вдруг с самого утра, когда ещё предрассветный туман клубился над фьордами, вдруг ожил и запульсировал, отчего короля бросало то в жар, то в холод. Он не понимал, что всё это значит, но совершенно точно (он был уверен) – ничего хорошего это не сулило!

В тот день король не покидал своих покоев, доверив дела проверенным людям, отказался от визита врача и, даже, не пускал к себе жену и дочь. До самых сумерек он ничего не ел и не пил, проводя эти часы в гнетущей тишине. И когда взошла первая луна, на балконе он различил едва заметную фигуру. Он почти был уверен, что смерть пришла в его дом, чтобы привести его душу туда, где её будут судить по законам совести. Не важно было, в чьём облике она явилась за ним: стрелка или душителя. Недругов (как и у любого любимого правителя) у Бриана было немало.

Но не убийца нанёс ему визит в тот поздний час. Это была прекрасная рыжеволосая женщина в чёрном, в глаза которой невозможно было заглянуть.

– Здравствуй, Безотцовщина, – сказала она, входя в освещённые масляной лампой и свечами покои, – неужели те не узнаёшь меня?

Но побледневший король, на свою беду, узнал незваную гостью, встреча с которой, как он надеялся, никогда не должна была состояться.

– Ласточка? – неуверенно спросил он.

Голос короля дрожал. Он никогда не чувствовал такого бессилия. Она кивнула и улыбнулась так, что у него задрожали ноги.

– Признаться, наблюдая за тобой, Безотцовщина, я не ожидала, что ты добьёшься многого. Но ты смог меня удивить.

Женщина коснулась белых роз, стоявших на столе, и те завяли. Похоже, это забавляло её. А Бриан не мог вымолвить ни единого слова, как и шевельнуться или отвести взгляд.

– Я одобряю твои действия последних лет. Ты преумножил богатства королевства, которое я тебе преподнесла, и заставил народ тебя полюбить, а довольными людьми

править намного проще. Хотя, иногда, это бывает скучно: мало неожиданностей. И очень мудро, что ты догадался взять себе первую жену из благородных. Мирида дурочка, но в ней сила северной княжеской крови. Хороший выбор. И ты, к моему удивлению, догадался обзавестись наследницей. Признаться, я не смогла бы зачать ребёнка (магическое искусство тоже имеет свою цену) и через много лет, это могло стать проблемой. Рано или поздно, ты бы постарел, а мне бы надоело возиться с этим городом. Нет ничего хуже скуки, когда живёшь столько, сколько живу я. Не молчи, Безотцовщина.

И Бриан перестал молчать.

– Я не могу жениться на тебе, ласточка, я связан с другой священной клятвой, которую не могу нарушить.

– Но прежде, ты был связан клятвой со мной. И так уж устроен этот мир, мальчик, её нужно выполнить. И, поверь мне, ты её исполнишь, так или иначе...

– У моих советников есть сыновья, и...

– О, я не буду женой лорда, я буду королевой, Безотцовщина. А твоя жена завтра встретит ядовитую змею во время прогулки, или упадёт с лошади, как твой так называемый «отец». И никто не осудит короля за то, что, соблюдая приличия, он возьмёт в жены молодую и красивую девушку, когда истечёт траур. И я буду любимой королевой. Даже твоя дочь будет считать меня подругой, уж поверь, я умею претворяться. Это будет забавно.

Если бы Бриан и правда рос во дворце с малых лет и осознал бы, что как бы не было тяжело принимать решения, счастьем одного для благополучия королевства иногда нужно жертвовать, даже если оно принадлежит тебе или твоим любимым... Если бы Бриан не заключил кровную клятву с говорящей птицей под старым мостом.... Если бы он не любил свою жену так сильно, он стал бы чудовищем в наших глазах, но защитил бы людей, которые доверили ему свои судьбы, признав законным властителем. А может, Бриан недооценил опасность, что грозила ему, или силу клятвы, которую дал ещё ребёнком? Он отказался позволить незнакомке причинить вред его жене, он отказался стать вдовцом и жениться на ней.

– А мне не обязательно быть твоей женой, чтобы стать королевой, Бриан Благородный (и в словах её сквозила едкая злоба), просто я надеялась, ты развлечёшь меня, мучаясь чувством вины до конца жизни. Но теперь я сама придумаю, как скрасить свой досуг, король-безотцовщина. И я сдержу клятву, уж поверь. Ещё не зайдёт вторая луна и

солнечный свет не успеет коснуться гор, что видны из твоих покоев, королевству, что ты построил, придёт конец, твои благие деяния забудут, сердце твоей жены перестанет биться, а твоя дочь не будет больше человеком. Однако девочке я оставлю шанс (она, всё-таки, невинна и прекрасна, к тому же не несёт ответственности за вину отца). Я сделаю её птицей. Это не так плохо, сама жила в подобно облике, и она снова сможет стать человеком, когда исполнит забытую клятву, данную тому, кто спас ей жизнь.

Бриан разозлился. Он напомнил себе, что так или иначе, он был королём. И в его власти было карать и миловать. Никто в мире не имел права угрожать ему!

-Много болтаешь, ведьма! – выпалил он в приступе подступающей ярости.

Женщина рассмеялась.

-Ведьма? О нет, намного хуже....

Она исчезла в мгновении ока. Ни всполоха пламени, ни искр, ни громовых раскатов. Просто раз – и её нет. И Бриану снова, как и много лет назад стало казаться, что встреча ему привиделась... И как было бы хорошо, если бы это было так!

Но вскоре с гор спустился туман такой густой, какого здесь ещё не видели. И сын булочника, которому не спалось в ту ночь, и страж на стене, и астроном, работавший над картой звёздного неба, которая должна была помочь торговым судам искать дорогу в Эстеврию, стали первыми свидетелями доселе невиданного на согретом солнцем берегу явления: над город шёл снег. И это были не пушистые хлопья, а жесткие колючие иглы, движимые холодным ветром.

А когда королева Мирида, разбуженная странным предчувствием, вышла на балкон и подставила руку под знакомые с детства снежинки, она сама, как принцесса из северных сказок, обратилась в лёд и рассыпалась на тысячи крохотных мерцающих искорок, подхваченных вьюгой.

Вьюга распахнула окно спальни королевны Селесты, из которого тот час вылетела перепуганная соколица. Но порыв ветра выхватил птицу из вихря вьюги и понёс её в сторону моря.

К утру, все, кто спал в ту ночь, проснулись от внезапно наступившего неведомого ранее холода. И с удивлением обнаружили, что не могут вспомнить даже имени своего короля, а те, кто не спал и помнил – боялись в этом признаться. Но людям было не до этого: они пытались согреться и не знали, как это сделать.

.....